

Н.М. Солнцева

«Неуютная жидкая лунность...»

Обратите внимание на то, что избавление от разлада, конфликтности и стремление к гармонии — эмоциональный и философский стержень поздней лирики Есенина, к какой бы тематическому направлению она ни относилась. Стихотворение «Неуютная жидкая лунность...» (1925) запечатлело стремление поэта преодолеть отчаяние и найти гармонию даже в новой деревне: «Через каменное и стальное / Вижу мощь я родной стороны». В патриархальной деревне ему вспоминается лишь «тоска бесконечных равнин», «усохшие вербы», нищета. Картинам сиротского, убогого пейзажа противостоит мечта лирического героя о технической оснащённости деревни. Причем индустриальная, идущая из города культура теперь вовсе не является символом смерти полевой Руси; наоборот, она принесет ей возрождение, поможет избавиться от нищеты: «Но и все же хочу я стальнойю / Видеть бедную, нищую Русь».

Вера в «стальную» Русь — крайне редкий мотив в творчестве Есенина. В его поэзии трагически звучала тема противостояния города и деревни. В «Сорокоусте» (1920) город — враг, который «тянет к глоткам равнин пятерню». Стихотворение «Мир таинственный, мир мой древний...» (1922) представляет конфликт города и деревни как метафизическую трагедию; город не просто железный враг, он еще и дьявол: «Жилист мускул у дьявольской выи». Победа железного, то есть неживого, как раз и ассоциировалась в сознании поэта с социализмом «без мечтаний».

Обратите внимание на то, что и в «Неуютной жидкой лунности...» нет советского оптимизма в духе В. Маяковского или Д. Бедного. Есенинский оптимизм — трагический. За искренним желанием увидеть в новой России цивилизованное начало нельзя не заметить трагедию героя-изгоя: «Я не знаю, что будет со мною... / Может, в новую жизнь не гожусь...» Этот подтекст прочитывается и в характерных художественных деталях: тележной *песне* колес противостоит моторный *лай*.